

Лариса ДОЛИНА:

"Петербург для меня проклятый город"

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ во времена лютые, в 84-м, на дне рождения у одного ленинградского поэта. Но еще раньше многие, в том числе и Алла Пугачева, прожужжали все уши об уникальных талантах вокалистки, которую всюду зажимают. В Болгарии тогда Долину окрестили «звездой без имени». Впрочем, в джазе она блистала. Много записывалась и в кино, поражая способностью менять голоса, — осталась за кадром в пятидесяти картинах. Лишь однажды Ларису подпустили к камере, в фильме «Мы из джаза», в роли... негритянской певицы.

Лариса была на том дне рождения резковата, разговор то и дело сбивался на темы творчества и раскрутки, веяло пессимизмом. Певица грустно говорила, что в Ленинграде ей не везет, «ловить» здесь нечего, и через пару лет после развода совершила поистине благородный поступок, фактически подарив свою комнату в ленинградской коммуналке дочери того самого поэта.

Но — о чудо! — как только избавилась она от этого города, все стало потихоньку налаживаться. Раскрылись врата ЦТ, Долина стала органичной в поп-музыке, накатилась популярность, рядом возник любимый человек, ставший мужем, она стала потрясающе выглядеть, похудев на добрых 25 кг, обрела свой стиль в одежде, стала раскованной в общении.

Такой звездой и явилась в феврале в Питер, на дни памяти своего любимого композитора Вити Резникова, где не просто пела, но еще и вела четырехчасовой концерт в «Октябрьском».

— Лариса, в дайджесте «24 часа» я наткнулся на интервью, где ты говоришь: «Прекратите меня мучать вопросами о джазе, все равно не напишете, что джазом просто не прокормиться!» Я пересказал потом эту фразу Ирине Отиевой, на что твоя коллега по джазовому цеху и соперница по «Музыкальному рингу» разразилась довольно гневной тирадой: мол, это неправда, джазом прокормиться можно, есть варианты выхода на Запад, участия в джазовых фестивалях. Ира Отиева утверждала, что сама этим не стала заниматься, потому что заинтересовалась другими жанрами...

— Я считаю, Ира категорически не права, и еще раз подтверждаю, что для всех тех музыкантов, которые отдают себя джазу, он является второстепенным видом творчества, особенно в последние годы, когда интерес к джазу в нашей стране сошел на нет.

— Второстепенным или второсортным?

— Нет, не второсортным! Вспомогательным что ли... К примеру, я служу в каком-то ансамбле или пишу аранжировки, чтобы зарабатывать деньги, а джаз играю для души. Никогда в жизни ни в одной стране мира музыканты не зарабатывали на джазе денег. Возьми Квинси Джонса, Херби Ханкока, людей, которые воспитывались на джазе, как я, как многие мои коллеги. Они джазом увлекаются в свободное время. Занимаются качественной коммерческой музыкой, продюсированием, аранжировками, а джаз — на десерт. Джаз не кормит, это искусство для души, школа, образование.

— Не кормит сытно?

— Нет, знаешь, просто не кормит. Я пятнадцать лет отдала джазу и была просто нищей, постоянно в долг жила. Еще дольше многих продержалась, потому что любила джаз, была отдала ему сердцем, душой и телом. Те музыканты, что гневно осуждают мой уход в попсу, пусть пройдут сначала хоть половинку моего пути...

— Неужели кто то еще осуждает? Ты же ушла на эстраду давно, лет восемь назад...

— И тем не менее меня осуждают. Есть, правда, исключения — Жора Гарянин еще удивлялся, как долго я продержалась! Он выбор гораздо раньше сделал — играет на джаз-фестивалях, за границей, а деньги зарабатывает тем, что пишет музыку к кинофильмам, спектаклям...

— Так что Ира абсолютно не права! Она пошла джаз года три, наверное, а я — много лет.

— В джазовых энциклопедиях имя великомученицы Ларисы увековечено? — Вроде да. Недавно вышла новая энциклопедия. Считается, что я огромный вклад внесла, много лет удерживала титул лучшей, хотя у нас было мало артисток, которые пели джаз. Ира Отиева, на мой взгляд, тоже должна войти во все энциклопедии.

— Можно ли назвать судьбу твоего поколения джазменов плачевной? Я тут недавно в «Труде» прочитал статью о Николае Левиновском — как он, бедный, в америках масть...

— Я его там видела. Он не жалуется, не все ведь хотят, чтобы их ждали. Я тоже никогда до конца не стану живописать свою неприятности,

проблемы, мне тоже не хочется, чтобы мне сочувствовали. У Коли Левиновского есть в Штатах какая-то женщина, которая якобы его продюсирует, иногда дает работу — аранжировки, записи музыки к спектаклям. Чем он и зарабатывает. Случается, его приглашают поиграть в «Русский самовар» (в Нью-Йорке, на Манхэттене, есть такой ресторанчик), где порой выступают и Слава Назаров, и Бутман, в недалеком прошлом выдающиеся советские джазмены. Те же проблемы были и у Леша Зубова, который раньше уехал, котируясь в мире джаза на уровне американских звезд.

В нашей стране тоже ситуация ухудшилась. Когда я пела, интерес к джазу был — мы собирали залы. И с Чижиком, и с Кроллом. С Кроллом я сделала уникальную программу «Антология джазового вокала». Едва ли не каждый месяц устраивались фестивали. Потом, правда, я стала обращать внимание, что эти джаз-фестивали заканчиваются пьянками, тусовками в обществе каких-то околосджазовых людей. Тут уж не до высокого искусства. Из года в год все повторялось, хорошие музыканты уже сами чуралась этих попойек.

— Вот интересно: Отиева гордо говорит, что ушла в рок-ролл, а ты сообщаем, что ушла в попсу. Надеюсь, говоришь с иронией...

— Это долинская попка! Песня пишется специально на меня, с учетом моих возможностей в джазе, знания соул-музыки, рока. Мое образование дает возможность даже из простого шлягера делать долинскую попсу. Согласись, шлягер Пугачевой, шлягер Аллегровой и шлягер Долиной резко друг от друга отличаются. Моя попка, мне кажется, много качественней, чем хиты нынешних топ-чартсов.

— Конечно-конечно, у Долиной есть яркие песни, свои шлягеры, но почему ни один из них не стал всенародным?

— Это не совсем русские, не совсем народные шлягеры.

— Законцованный круг!

— Не хочется быть дешевой, и в то же время у нас слушатель не очень быстро образовывается. Если взять хит-парады, хит-конвейеры ТВ, то можно сказать, что зрительский уровень намного ниже того, что происходит на Западе. То, что является коммерческой музыкой там, вызывает гнев западных критиков, у нас никогда не станет шлягером. Публику нашу тяжело «перетачить» на свою сторону. Мне еще понадобится время, когда смогу начать публику образовывать, давать им то, что хочу дать, а не то, чего они хотят. Такой момент еще не настал, но погоди, осталось совсем немного времени.

— Интересно, как ты это будешь делать в ситуации, когда тебя не «докручивают» по ТВ, когда у тебя нет клипов?

— Мне в жизни всегда во всем не везло! Бог дал мне талант, а остального добивалась сама. У меня никогда не было ни продюсеров, ни богатых дядюшек — все сама. А зарабатывать нормальные деньги я начала всего несколько лет назад. И все равно не на-

копила на клип. Ты знаешь, Миша, он ведь стоит сейчас столько денег, что не пронаестишь вдух...

— Два миллиона!

— Гораздо больше. Два — было неделю назад.

— Как с колбасой, счет пошел на недели?

— Я все-таки буду снимать два клипа. Бог меня услышал! Нашла спонсора, Коммерческо-производственная фирма «Реноме», президентом которой является моя давняя поклонница Нина Николаевна Романовская. Не поверишь — она поэтесса, журналистка и только потом — бизнесмен! Но очень крупный бизнесмен.

— В чем ее бизнес?

— Занимается и нефтью, и сахаром, у нее даже есть несколько процентов акций от «Дженерал Моторс». Крутая женщина!

— Госпожа Романовская помогает только госпоже Долиной или еще каким-то артистам?

— Нина Николаевна была генеральным спонсором новогоднего «Голубого огонька», сейчас является спонсором великолепной телевизионной передачи Юрия Башмета «Вокзал мечты». Я тоже недавно снялась у Башмета, и, кстати, с джазом. Но пела на русском языке.

Много лет бытовало мнение, что джаз нужно петь только на языке оригинала, и, наверное, так было по тем временам правильно. Но вот Крис Кельми, который никогда не имел отношения к джазу, написал потрясающую музыку «Леди блюз». Когда я услышала этот блюз, мне ужасно захотелось спеть его, я попросила поэта Карена Кавалерьяна сделать женский вариант. Так появилась «Мистер блюз», который и запечатлен в «Вокзал мечты».

— В нескольких интервью прозвучала информация, что уже года три ты живешь в номере московской гостини-

цы «Россия». Вначале этому удивлялись, сочувствовали, но сейчас привыкли. Злые языки даже посмеиваются: неужто звезда российской эстрады, щеголющая в шубе из чернубурки, раскатывающая на новеньких автомобилях, имеющая дорогостоящие музыкальные инструменты и аппаратуру, не может «наскрести» «зелененьких» на квартиру в Москве? Нет ли тут параллелей с Газмановым, который так часто сетовал, что не может обменять свою маленькую квартиру на большую, что московские журналисты уже подсказали ему в газетах: «Олег, продай одну из твоих машин и решишь жилищную проблему!»

К чему я клоню: да, наши звезды живут во сто крат беднее западных, но не любят ли наши еще и преувеличить свои беды?

— Во-первых, многие, возможно, не знают, что Газманов зарабатывает гораздо больше меня. Я пою в обычных залах — Олег собирает дворцы спорта. Во-вторых, у меня всего лишь один автомобиль, который куплен с большим трудом. Насобирала я денег до сумасшедших повышений, в прошлом году. А до этого у меня угнали машину, которую тоже за шесть бесплатных концертов купила по госцене в Тольятти.

Ну что тут сказать... Я не могу собрать денег на квартиру! Обыкновенная трехкомнатная, которая нужна для меня, моего ребенка и мужа, стоит шестьдесят—семьдесят тысяч долларов. У меня никогда таких денег не было, а если появятся, то должна буду собирать и собирать. Может быть, наскресту через годик—полтора, но сумею ли угадать за ценами? В прошлом году такая же квартира стоила двадцать—двадцать пять тысяч долларов. Но я не сижу сложа руки! В Израиле что-то насобирали в Штатах...

Почему все удивляются? Речь же идет о миллионах рублей! А я трачу огромные деньги на обновление аппаратуры, покупаю дорогие микрофоны. Концертные костюмы, которых у меня

много, стоят каждый десятком тысяч рублей. Так что квартирный вопрос завис...

— Лариса, Питер для тебя занолдованный город?

— Проклятый! Мне хотелось бы любить Петербург, я понимаю, почему его любят люди, живущие здесь. Но Бог повелел так, что у меня все, что связано с Петербургом, всегда было плохо.

Четыре года прожила здесь как в кошмарном сне. Ютились мы, когда я родила ребенка, вшестером в однокомнатной квартире. Нищенствовали. У меня оклад двести рублей в оркестре Баджана, но я не могла ездить с ним на гастроли, потому что был грудной ребенок. Болезни, травмы преследовали здесь не только меня одну, но и мою дочку. Климат не мой — и духовный и физический. У меня ведь хронический бронхит с пятилетнего возраста, и этот город на болотах меня доконал.

Уехала отсюда — перекрестилась. Но стоило приехать в «Октябрьский» на оперу «Джордано», грохнулась прямо на сцене, сломала ногу, пришлось поменять несколько спектаклей. В этот февральский визит — пожалуйста! — обокрали гостиничный номер моих артистов в «Октябрьской». У парикмахера, которого я специально вытаскала из его отпуска, украли все инструменты, а он их по заграницам собирал годами. У балетных артистов стащили все костюмы. Как подумаю, сколько будет стоить заказать новые, волосы на голове шевелятся. Опять искать спонсоров?

— Лариса, твоей дочке уже девять?

— В мае будет десять. Живет в Одессе, у бабушки, ходит в четвертый класс музыкальной и общеобразовательной школы. Гены взяли свое, она поет и танцует, совершенно не боится видеокамер, фотоаппаратов, вспышек.

На недавних моих творческих вечерах в «Росси» она была ведущей вместе с Леной Ярмольником, причем в некоторых эпизодах держалась уверенней, чем он, даже подкашивала Лене текст. Ужасно способная девочка, еще мне фору даст, но я постараюсь ее не забывать.

— Лариса, правду говорят, что ты однажды звонила господину Боровому, просила о помощи, а он не стал даже разговаривать?

— К сожалению, горькая правда. Я не была с ним знакома, но знала, что он помогал победителям конкурса в Ялте. Мне показаться, что я имею гораздо больше морального права на спонсорские услуги, чем те, кому он тогда помогал. Но он даже не захотел со мной встретиться, — согласился на занятость, предложил объясниться в течение минуты и только по телефону... Конечно, я совершила ошибку, но было ужасно обидно. Я плакала.

— С тех пор как действуешь?

— На презентациях никому не навязывалась, не спешу с выводами и тогда, когда мне сулят золотые горы. Наутро, на трезвую голову, все может выглядеть иначе.

— Ты ведь работаешь сейчас в валютном ресторане «Арлекино» в Москве?

— Эпизодически. Последние недели три не появлялась там — выпадали важные поездки, концерты. К сожалению, не могу взять туда весь свой коллектив — четырнадцать человек. Работу в «Арлекино» ночную, у меня есть свой водитель на зарплате, который отвезет домой.

— Такая работа не оскорбительна для певицы эстрады-классы?

— На Западе все так трудятся! Я же в «Арлекино» пою не в кабаке, а в дискотеке. Это другое. И Тина Тернер поет на дископлощадках. Ничего зазорного, там все солидно, красиво, великолепно! Свет, аппаратура, приличная публика. Туда приезжают выступать и Николаев, Кузьмин, «Кар-Мэн», а Сережа Пенкин там постоянно поет, его публика обожает, специально на него ходят. Если еще одну такую точку найду в Москве и туда буду ездить по ночам

— может быть, хоть так соберу себе деньги на квартиру.

— Ты любишь смотреть себя по ТВ?

— Терпеть не могу. Ухожу сразу, считаю, что все нигде не годится, все надо переделывать...

— Неужели ты не нравишься себе внешне? Ведь ты нынче в уникальной физической форме — тыфу, тыфу, тыфу. Так похудеть, и без всяких пластических операций!

— У меня пунктик, а то и с годами выработанный комплекс. Никогда не обращала внимания на свою полноту, сам знаешь, какой была раньше. Во мне было много лишнего веса, но я считала, что это мне не мешает. И когда пела джаз, это совершенно не мешало. Но стала петь попсу, изменились наряды, стала двигаться на сцене и поняла, что сама себе мешаю.

И потом у меня молодой муж! Виктор Митязов пришел ко мне бас-гитаристом, а теперь он — менеджер, продюсер и звукорежиссер нашего ансамбля.

— Ты голодала?

— Сначала сидела на диете, которая стала известной всей стране, после того как Пугачева на 8 Марта по ТВ раскрыла все мои тайны.

— Напомни, что это за диета?

— Рассчитана на восемь дней, называется — «одностороннее питание». Нельзя мешать ничто ни с чем. Если очень хочу есть, то выбираю один-единственный продукт и ем его весь день. Только рис, только мясо, только курицу. Это было весьма действенно. Под чутким руководством Гали Кольчицкой, моего тогдашнего менеджера (она, кстати, из Питера), я много сбросила.

Когда эта диета мне надоела, я начала двигаться в разные стороны. Какое-то время просто голодала, сидела на соках. Перед юбилейными концертами в декабре три недели пила только соки — сбросила около двадцати килограммов. Но мне и этого было мало — поехала в Израиль на гастроли и случайно, в гостях, познакомилась с супервайзером американской фирмы «Хербалайф», которая распространяет по всему миру таблетки-питание. Попробовала — сбросила еще пять килограммов, теперь регулярно пользуюсь этим питанием.

— Лариса, позади двадцать лет твоей творческой деятельности. С ума сойти — уже двадцать! Не страшно?

— Что ты! У меня сейчас — второе рождение. Чувствую себя девчонкой, гораздо моложе, чем тогда, когда мы с тобой, Миша, познакомились.

● Лариса Долина. Правда, еще до эпопеи с соками и «Хербалайфом». Фотограф Иван ИВАНЫЧ